

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

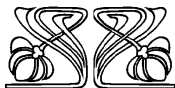
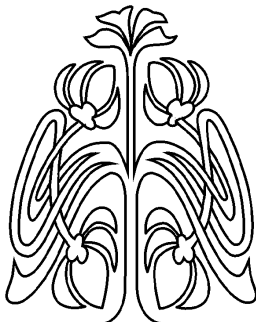
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 144–152

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 144–152

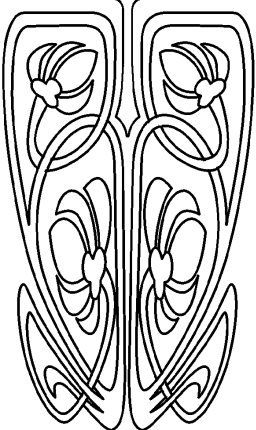
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-144-152>, EDN: ZQCODG

Научная статья

УДК 94-057.34(470+571)|16|+929Болтин

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Придворная служба Баима Болтина

А. С. Втюрин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Втюрин Андрей Сергеевич, аспирант кафедры истории России и археологии, andrej.vtiurin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1294-1516>, Author ID: 1108641

Аннотация. В статье впервые подробно рассматривается придворная служба государственного деятеля первой половины XVII в. Баима Федоровича Болтина. В начале своего служебного пути он был арзамасским дворянином. В 1624 г. поступил на придворную службу, затем несколько лет служил дьяком Новгородской чети. Принимал активное участие в придворных мероприятиях, посольских встречах. В последние годы жизни Михаила Романова был ясельничим и первым судьей Конюшенного приказа.

Ключевые слова: придворная служба, дьяк, Новгородская четь, ясельничий, дворцовые разряды

Для цитирования: Втюрин А. С. Придворная служба Баима Болтина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 144–152. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-144-152>, EDN: ZQCODG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The court service of Baim Boltin

A. S. Vtyurin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrey S. Vtyurin, andrej.vtiurin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1294-1516>, Author ID: 1108641

Abstract. The article for the first time examines in detail the court service of the statesman of the first half of the XVII century, Baim Fedorovich Boltin. At the beginning of his career, he was an Arzamas nobleman. In 1624 he entered the court service, then served for several years as a clerk of the Novgorod's quarter. He took an active part in court events, embassy meetings. In the last years of Mikhail Romanov's life, he was a marshal's assistant and the first judge of the Ministry of Cavalry.

Keywords: court service, clerk, Novgorod couple, nursery, palace ranks

For citation: Vtyurin A. S. The court service of Baim Boltin. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 144–152 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-144-152>, EDN: ZQCODG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Баим Федорович Болтин (конец XVI в. – 1655 г.) был видным государственным и военным деятелем первой половины XVII в., вышедшим из арзамасской служилой корпорации. Род его не обладал высоким положением в местнической системе. Однако благодаря своему трудолюбию и личным качествам Болтин сумел подняться по служебной лестнице к высоким придворным должностям. Баим Федорович

приобрел известность сразу в нескольких областях. В первую очередь он является автором Столяровского хронографа, который был введен в научный оборот Н. М. Карамзиным [1, с. 18–28]. Также он известен как военный деятель: принял участие в походе князя Д. Т. Трубецкого на Новгород в 1614 г., а в годы Смоленской войны отличился при взятии г. Новгорода-Северского. Исполнял воеводскую службу в таких городах, как Терки, Стародуб, Тобольск, был стрелецким головой в Казани.

Столяровский хронограф и события Смоленской войны в связи с биографией Болтина уже являлись объектом внимания исследователей [1; 2, с. 83–88; 3, 4]. Малоизвестной остается служба Б. Ф. Болтина при царском дворе, которая не нашла подробного отражения в историографии и является предметом исследования настоящей статьи. Так, будучи сперва московским дворянином, а затем и дьяком Новгородской чети, он, помимо исполнения прямых обязанностей, присутствовал на царских и патриарших застольях, встречал послов, оставался в Москве в период отъезда государя. Мы условно поделим наше повествование на два периода – до Смоленской войны и после нее, ибо успехи Б. Ф. Болтина в военное время обусловили его дальнейший служебный рост. В довоенном периоде отдельно отметим его службу в качестве дьяка Новгородской чети, которая не являлась придворной, но в случае Болтина имела тесную связь с ней и оказала влияние на рост при дворе. Также постараемся рассмотреть придворную службу Б. Ф. Болтина в контексте трансформации служилого сословия в годы правления первых Романовых.

Царский двор – это огромный административный аппарат, состоящий из верхушки княжеской и боярской аристократии, дворян и выходцев из других сословий (к примеру, духовенства). Помимо тех, кто находился непосредственно в Москве, к царскому двору относились и выборные дворяне из городов. К концу XVI в. численность двора составляла около 1100 чел., из которых свыше половины были выборными по городам [5, с. 255].

К 1630 г. двор расширился до 4000 чел. Так как Баим Болтин уже в 1613 г. относился к выборным по Арзамасу [6, с. 508], то можно говорить, что членом двора он был задолго до его появления непосредственно при царском дворе. Однако удаленность от Москвы мало способствовала росту по службе.

Впервые в качестве придворного в столице Баим Болтин присутствовал 14 сентября 1624 г. на свадьбе царя Михаила Федоровича Романова и Марии Владимировны Долгорукой. В первый день свадьбы он был в списке дворян, стоявших по пути шествия процессии. Так, в разрядной записи указано: «... От столовой избы к соборной палате, у дверей, Обоим Федоров сын Болтин» [7,

стб. 639]. Ранее Болтин не присутствовал на придворных мероприятиях. До этого он не менее 2-х лет был воеводой в Терках (1620–1622 гг.) [7, стб. 484; 8, стб. 720, 764, 871]. Возможно, что в список московских дворян он был внесен как раз по возвращении с места Терской службы.

В рамках придворной службы Баим Болтин 26 апреля 1626 г. был оставлен в Москве Михаилом Федоровичем Романовым, который отправился в Троице-Сергиев монастырь молиться. Главным в Москве был назначен боярин Федор Иванович Шереметев, под чьим руководством находился Болтин. С Ф. И. Шереметевым в числе московского руководства были: боярин, князь Андрей Васильевич Сицкий, окольничий князь Григорий Константинович Волконский, думный разрядный дьяк Федор Лихачев. К боярину Шереметеву были приписаны дворяне, которые должны были «на государевом дворе вверху дневать и ночевать». Баим Болтин записан во вторую половину списка. Упомянутые дворяне находились в личном распоряжении Федора Шереметева на период отъезда царя. Таким образом, это первое упоминание, в котором Баим Болтин получил столь важное назначение, а именно находился в распоряжении боярина, замещавшего государя. Аналогичный список, но уже с другими дворянами, закреплен за Андреем Васильевичем Сицким [7, стб. 818]. В период этого отъезда государя в Москве случился большой пожар, настолько серьезный, что горели Китай-город и Кремль, в котором огонь уничтожил казну, государев и патриарший дворы [9, с. 152–153]. Данный пожар уничтожил огромное количество актов материала. Однако сведений об участии Баима Болтина в разборе последствий пожара и восстановлении утраченных документов мы не имеем. Можем предположить, что работы у подчиненных Федора Шереметева было много.

Назначение Баима Болтина дьяком Новгородской чети (четвертного приказа) произошло 16 февраля 1627 г., а 17 февраля он был приведен к целованию креста. Молитвенное имя ему было дано – Сидор [10, с. 456]. 20 февраля был утвержден состав дьяков четверти – вместо Андрея Шипова дьяками были назначены Баим Болтин и Дементий Образцов [10, с. 458]. Назначенный Б. Ф. Болтину оклад в качестве дьяка чети составлял 900 четей и 130 руб. [11, с. 561].

Б. Ф. Болтин часто упоминается как участник царских и патриарших застолий. 14 марта 1627 г. у государя «был стол» по случаю празднования дня Федоровской иконы Божьей Матери – «праздник пречистые Богородицы Федоровские». Баим Болтин указан в числе присутствовавших дьяков третьим вслед за Михаилом Даниловым и Максимом Матюшкиным [10, с. 470].

В день Вербного воскресенья 18 марта 1627 г. «был стол» у патриарха Филарета в столовой палате. В росписи Болтин также присутству-

ет в числе дьяков. На этот раз он оказался первым в списке. Изначально Болтин должен был идти вслед за ранее упомянутым Михаилом Даниловым, однако имя последнего было зачеркнуто [10, с. 472]. В дворцовых же разрядах пометки о том, что имя М. Данилова было вычеркнуто, отсутствуют [7, стб. 907].

По случаю рождения у Михаила Романова дочери Ирины 25 апреля 1627 г. «был стол» в Грановитой палате. Баим Болтин был третьим в списке простых дьяков, включавшем 31 чел. Также за столом были 4 дьяка служивших у патриарха. Два стольника стояли подле государя, а три стольника «в столы смотрели» [7, стб. 915]. В записной книге московского стола Б. Ф. Болтин указан пятым в списке. Стоит отметить, что он на этот раз опередил дьяка Максима Матюшкина (ранее 14 марта Болтин указывался после него) [10, с. 486].

В некоторых событиях участие Болтина планировалось, но по каким-то причинам не состоялось. Так, 13 июня 1627 г. Баим Болтин должен был принимать участие в шествии в Троице-Сергиев монастырь для празднования дня Святой Троицы. Изначально он был указан третьим в числе дьяков, однако его имя и имя Венедикта Махова были вычеркнуты [10, с. 497].

На время поездки в Новодевичий монастырь 27 июля 1627 г. государь оставил вместо себя в Москве боярина князя Даниила Ивановича Мезецкого и окольничего Артемия Васильевича Измайлова. Вместе с ними были 29 дворян и 19 дьяков [10, с. 506]. Шестым в списке дьяков стоял Баим Болтин (между Петром Овдокимовым и Дементием Образцовым). Также в том списке значилось имя Никифора Шипулина, стоявшего после Болтина. Этот человек в дальнейшем будет служить рядом с Болтиным.

На время поездки в Симонов монастырь 31 июля 1627 г. государь оставил вместо себя Михаила Борисовича Шеина и Даниила Ивановича Мезецкого. Баим Болтин также был в числе дьяков одиннадцатым в списке из сорока, после Петра Овдокимова [10, с. 509].

Выход московских царей на богомолье – это важное, торжественное мероприятие, призванное подчеркнуть значимость церковных праздников. Народ и иностранцы могли увидеть царскую процессию, каждый шаг которой подчинялся четкому регламенту. Пышные одеяния были у всех участников выхода. Свита государя распределялась по старшинству. Впереди шли нижние чины, бояре, окольничие и думные люди шли ближе к государю. Регламентированный церемониал – важная черта традиционного общества [12, с. 376–378].

По случаю празднования Успения Богородицы 15 августа 1627 г. «был стол» у патриарха Филарета с участием государя. В праздновании принимали участие всего лишь 6 дьяков, Бол-

тин был пятым в списке между Иваном Грязевым и Венедиктом Маховым [10, с. 515].

В день памяти Петра Чудотворца 21 декабря 1627 г. в столовой патриаршей палате у патриарха Филарета состоялся стол в присутствии государя Михаила Романова. В застолье принимали участие бояре, думные дьяки, дворяне и дьяки. В этот раз Баим Болтин числится в списке первым дьяком, что свидетельствует о его служебном росте при дворе [7, стб. 969].

В канун празднования Рождества 6 января 1628 г. у государя Михаила Романова «был стол» в золотой подписной палате. Здесь Болтин почему-то указан после Максима Матюшкина, третьим в списке. Возможно, последний получил повышение и вновь опередил Болтина [7, стб. 972].

В день празднования Федоровской иконы Божией Матери 14 марта 1628 г. у государя Михаила Романова «был стол» в золотой подписной палате, в котором принимал участие патриарх Филарет. Баим Болтин снова был в числе дьяков десятым в списке из 13 дьяков, заняв место между Никифором Спиридоновым и Венедиктом Маховым [7, стб. 995].

Очередной раз первым среди дьяков мы видим Болтина за столом у государя 6 апреля 1628 г. [7, стб. 1001].

По случаю рождения дочери Пелагеи 20 апреля 1628 г. в Грановитой палате у государя «был стол» с участием патриарха Филарета. Перечисление присутствовавших лиц занимает два столбца. Баим Болтин указан в списке дьяков восемнадцатым из тридцати двух [7, стб. 1006].

Баим Болтин снова присутствовал за столом государя в праздник Успения Богородицы 15 августа 1628 г. Был в числе дьяков на том же самом месте, что в 1627 г. [7, стб. 1029].

Впервые Болтин принял участие во встрече иноземных послов 13 февраля 1629 г. Тогда в Грановитой палате царь Михаил Федорович и патриарх Филарет принимали посла персидского шаха Аббаса Мамета Силибека и купца Агасана. Перед царской аудиенцией по церемониалу было две встречи – на крыльце и в сенях. Баим Болтин вместе с князем Андреем Андреевичем Хованским встречал посла в сенях и указан в качестве дьяка Новгородской чети [13, стб. 27]. Процесс приема послов вплоть до второй половины XVII в, когда начали заключаться договоры о посольском церемониале с другими государствами, опирался на обычаи и прецеденты и был неотъемлемой частью посольской и придворной жизни [14, с. 204]. Для придворного считалось почетным находиться как можно ближе к залу для приема послов государем. Таким образом, встречать послов на въезде в Москву почетнее, чем встречать их на границе. Также уже непосредственно на пути следования послов на прием к государю, более почетными считались встречи в сенях, чем на крыльце. Это обуславливалось

обычаем, по которому послам должна оказываться все большая честь по мере приближения к государю [14, с. 70].

В Грановитой палате 26 февраля 1632 г. состоялся прием царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом Ахмета Аги – посла турецкого султана Мурада IV. В дворцовых разрядах подробно описывается, кто сидел по левую и правую руку от государя. Объявлял посла и дары государю князь Прозоровский. Было две встречи посла: меньшая на крыльце, большая в сенях. В сенях посла встречали князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский и дьяк Новгородской чети Баим Болтин [13, стб. 251].

Остановимся подробнее на службе в Новгородской чети. Данное учреждение представляло собой административный, финансовый и судебный орган власти [15, с. 195–217], ведавший такими городами, как Новгород, Псков, Нижний Новгород, Вологда, Архангельск, и рядом других городов с их уездами. Во главе четвертного приказа стоял дьяк, у которого мог быть в подчинении еще один дьяк «в товарищах».

Дьяки, будучи центральными фигурами приказного управления, пользовались всеми правами служилого сословия и в период Смуты по своему социальному уровню стояли между столичными чинами и уездными выборными дворянами [5, с. 263, 348]. В царствование Михаила Романова они в основном комплектовались из дворян (к 1635 г. свыше трети дьяков составляли выходцы из гостей и духовенства [5, с. 350]. На 1628 г. они составляли 79% от общей численности дьяков [16, с. 224–225]. В 1626 г. их всего было 83 человека, а в 1633–90. Приказной аппарат развивался и вместе с тем росла численность дьяков. Росла и численность подьячих [5, с. 348]. По своему социальному положению в годы правления Михаила Романова дьяки были сравнимы с московскими жильцами, однако получали оклады, сравнимые со стольниками [5, с. 350]. Из этого можно сделать вывод о понижении в статусе Болтина, поскольку тот перешел из московских дворян в дьяки.

Первое известное действие Баима Болтина в качестве дьяка Новгородской чети датируется 5 марта 1627 г., почти сразу после назначения. Болтин направил Ивана Клементьевича Чулкова в Архангельск стрелецким головой [10, с. 465]. Стоит отметить, что все назначения и распоряжения делались от имени государя.

Болтин в Новгородской чети рассматривал вопрос о выводе д. Нерыб в Чердынском уезде из оклада, поскольку люди в деревне бедны и не могли даже содержать церковь. 27 ноября 1627 г. воеводе г. Чердынь князю Петру Клобкову-Мосальскому было велено перестать взимать окладные налоги и подати с деревни и отписаться о выводе ее из оклада в Новгородскую четь [17, с. 243].

Через Баима Болтина 1 января 1628 г. была передана грамота, освобождавшая от всех налогов некоторые земли в Обонежской пятине, принадлежавшие Исаку Герасимову. Ранее эти земли были пожалованы за то, что отец его поп Ермолай Герасимов в годы ссылки и заточения при Борисе Годунове в тех местах матери Михаила Федоровича – инокине Марии Ивановне – всячески помогал. Своей грамотой государь оградил его от всех претензий и нападков со стороны приказных людей и подтвердил ранее обещанные привилегии, которые, судя по всему, местными чиновниками нарушались [18, с. 248].

В декабре 1629 г. из Новгородской чети было поручено уже новому Чердынскому воеводе Сарычу Линеву заняться сыском беглых посадских людей городов Слободского и Шестакова и крестьян из их уездов. Беглые люди обязаны были платить налоги и подати в четь [19, с. 289]. Их поиск и постановка на учет требовались для восстановления денежных поступлений.

21 июля 1630 г. сысольским старостам и целовальникам была направлена грамота, в которой требовалось прислать в Москву «таможенных, кабацких, неокладных и четвертных денежных доходов». У местных чиновников за 1628 и 1629 гг. образовалась неуплата по ним, хотя окладные доходы они присылали исправно. От старост и целовальников требовалось тотчас прислать в Новгородскую четь дьякам Баиму Болтину и Дементию Образцову указанные в грамоте суммы под страхом отправки к ним приставов. 14 сентября 1630 г. в тот же Сысольский уезд была направлена грамота с требованием прислать окладные четвертные денежные доходы за 1629 г. [20, стб. 500–502]. Видимо, в Сысольском уезде возникли трудности со сбором денег или же местные чиновники захотели их утаить.

20 января 1631 г. была отправлена грамота в г. Чердынь воеводе Сарычу Никитичу Линеву, в которой требовалось составить список каменщиков, кирпичников и гончаров, отказавшихся отправиться в Вязьму и Можайск для проведения там работ. Данный список было велено передать в Новгородскую четь дьякам Баиму Болтину и Дементию Образцову [21, с. 274–275].

Через Баима Болтина решался вопрос относительно земель, принадлежавших Черногорскому монастырю на р. Пинеге. 9 февраля 1631 г. Двинскому воеводе князю Василию Ахмашукову-Черкасскому было велено передать грамоту в монастырь, в которой определялся размер налогов и границы земель, коими тот владел [22, с. 292–294].

Баимом Болтиным в Новгородской чети рассматривался спор, возникший у самоедов Меншичко Анципина и Семейки Вотьева с местными русскими людьми. По словам самоедов, русские люди без разрешения вторгались в их владения вдоль рек Индига и Волонга и занимались добычей рыбы и зверей. Более того, они не уплачивали

оброк государю с этих промыслов. Судя по всему, дьяки Баим Болтин и Дементий Образцов установили преимущественное право владения за самоедами, закрепленное еще за их дедами. 7 сентября 1631 г. была отправлена грамота воеводе в Кевролу и Мезень, в которой подтверждалось право самоедов Меншичко Анципина и Семейки Вотьева на владение реками Индигой и Волонгой и добычу рыбы и зверей в них [23, с. 280–281]. Поскольку спором занимались дьяки Новгородской чети, уплачиваемый оброк с промыслов на этих реках шел в нее.

Баим Болтин занимался вопросами составления сметы по ремонтным работам оборонительных сооружений г. Гдова, который располагался к северу от Пскова. Псковские воеводы князь Никита Михайлович Мезецкий и Пимен Матвеевич Юшков сообщали, что после обстрелов шведами во время Смуты крепость Гдова была повреждена, а в местах, где шведы проводили подкопы, стены обрушились. Временные деревянные укрепления на месте разрушений сгнили. Также воеводы сообщили о плачевном состоянии гдовской артиллерии, которая не имела соответствующей инфраструктуры для размещения и хранения: «... Да во Гдове же де наряду поставить негде, роскат сгнил и развалился ... станков и колес нет, а у иных с мочи огнили». Также боеприпасы и ядра хранились в колокольне за деревянной дверью, на чем заострил внимание воевода. Поскольку рядом с колокольней проживают гражданские лица, необходимо хранить припасы за железной решеткой. Судя по всему, здесь имеет место указание на риск бунта и захвата боеприпасов или же просто на возможное воровство. Так как местные власти не могли своими силами исправить положение, в декабре 1631 г. им было велено составить смету необходимого и отправить ее Баиму Болтину в Новгородскую четь [24, с. 282–283].

Первый выделенный нами период службы Баима Болтина завершился. В это время он пополнил ряды московского бюрократического аппарата вместе с большим количеством других служилых людей. Дальнейший рост по службе Баима Болтина косвенно свидетельствует о повышении роли бюрократического аппарата.

В начале Смоленской войны Б. Ф. Болтин на некоторое время покидает придворную службу. Он участвовал в Северском походе в качестве второго воеводы и руководил захватом Новгорода Северского в декабре 1632 г [25, стб. 390–391; 26, с. 369–370]. Затем он недолгое время прибывал в качестве воеводы в захваченном им городе и в завоеванном Стародубе [13, стб. 310, 341]. За эту службу Баим Болтин получил солидные награды от государя, однако прибавку к окладу ему пришлось добиваться путем челобитья [13, стб. 317; 27, с. 484–487]. После прибытия в Москву он уже 21 апреля 1633 г. указан среди многочисленных дворян и дьяков, которых

Государь Царь и Великий Князь Всея Руси Михаил Федорович пожаловал и «велел им свои государские очи видеть» на празднике Светлого Воскресенья [13, стб. 864]. 21 июня 1633 г. при угрозе татарского набега на Москву Б. Ф. Болтин был назначен воеводой в Симоновом монастыре [25, стб. 526].

В июне 1634 г. на р. Поляновке подписывался мир с Речью Посполитой. Баим Болтин был первым в списке голов, сопровождавших послов Федора Ивановича Шереметева и Алексея Михайловича Львова [13, стб. 357–358]. После возвращения в Москву все послы получили награды, состоялось повышение в чине – Алексей Михайлович Львов из окольных в бояре, а Степан Матвеевич Проестев стал думным дворянином. 5 июля 1634 г. у государя был стол. Список участвовавших в столе несколько отличался от ранее приведенного. Здесь мы видим в основном участников переговоров на р. Поляновке. Имя Баима Болтина помещено между двумя князьями – Савой Козловским и Иваном Львовым [28, с. 562]. Учитывая хаотичность составленного списка, мы не можем сделать каких-либо выводов.

В конце 1634 г. Баим Болтин вместе с вышеупомянутым князем Львовым отправляется в Варшаву для ратификации мирного договора и выполнения ряда иных заданий по выкупу пленных и тела царя Василия Шуйского [13, стб. 404; 29, л. 909–910]. Это назначение породило первый местнический спор в жизни Болтина. На него подали челобитную дворяне, указанные в списке сопровождавших князя Львова: Илья Васильевич Наумов и Ждан Васильевич Кондырев (последний ранее уже был поставлен ниже Баима при переговорах на р. Поляновке). Они считали, что по своему местническому статусу они должны стоять выше Болтина, на что государь ответил, что им всем следует быть без места [13, стб. 404]. Как уже говорилось, по социальному положению дьяки считались ниже стряпчих и дворян московских. Это не могло не сказаться на отношении московских чинов к дьякам как к нижестоящим. По мнению Ю. М. Эскина, это местническое дело Болтина свидетельствует о том, что даже кратковременное пребывание в дьяках оставляло «пятно» в карьере служилого человека [30, с. 339]. Однако тот факт, что государь встал на сторону бывшего дьяка, свидетельствует об усилении значения служилых людей, занятых решением общегосударственных вопросов. Поэтому переход в дьяки из дворян, хотя и воспринимался современниками как понижение, фактически обусловил дальнейший служебный рост Болтина.

По прибытии из посольства Болтин вернулся к придворной службе в Москве и занимался ею вплоть до своего посольства в Данию в 1647 г. [31, с. 227], за исключением двух случаев, связанных с участием в размежевании спорных с Речью

Посполитой территорий в районе Путивля в 1637 и 1642 г. [13, стб. 538, 683]. Там в 1642 г. у него возник местнический конфликт с Кузьмой Трусовым и Василием Протасовым. Государь снова встал на сторону Болтина [13, стб. 683].

Размежеванию земель предшествовала встреча польского посла Адама Орлика, который прибыл в Москву с жалобой на русских межевых судей, ответственных за разграничение земель по Поляновскому мирному договору [32, с. 119–122]. Государь его принял 30 января 1637 г. в золотой подписной палате [13, стб. 529]. Баим Болтин указан в числе встречающих. Адам Орлик был отправлен с опровержением претензий [13, стб. 869–874]. Столяровский хронограф также сообщает, что к польскому королю были отправлены с аналогичными претензиями послы, жаловавшиеся на литовских людей, что занимают земли в районе Путивля, которые принадлежат Московскому государству [26, с. 377–378]. Вероятно, именно эти переговоры и привели к вышеупомянутому размежеванию земель. Присутствие Болтина на встрече посла, обусловило его участие в размежевании в районе Путивля.

Далее Болтин встречал посла «крымского царя» Бахты Гирея на въезде в Москву. Встреча состоялась 23 мая 1638 г. за Калужскими воротами, «за Москвою рекою», за Деревянным городом. В длинном списке встречавших с указанием званий, имен и фамилий, среди пятерых голов родовых дворян упоминается Баим Федоров сын Болтин. Перед ним указаны Михаил Петрович Волынский и Ульян Семенович Ляпунов, за Болтиным в списке идут Федор Иванович Голенищев и Степан Иванович Исленьев [13, стб. 575–578].

Следующим существенным служебным повышением Болтина является пожалование в ясельничие 17 марта 1641 г. [33, с. 203]. По рангу ясельничий считался выше стольника, иногда наравне с думными дворянами. Данную должность занимали представители таких известных дворянских родов, как Татищевы, Воейковы, Биркины. Ясельничий – это помощник конюшенного, в отсутствие которого управлявший Конюшенным приказом [34, с. 177].

19 августа 1641 г. государь послал Баима Болтина «за город» с лошадьми навстречу датскому королевичу Вальдемару и королевскому думному дворянину Григорию Крабу. Здесь Баим указан в должности ясельничего. За городом послов встречали приставы Степан Иванович Исленьев и дьяк Федор Степанов [13, стб. 658]. Первый приезд королевича Вальдемара не оставил такого следа в истории, каким был последующий, поскольку обсуждались в основном торговые вопросы.

19 сентября 1641 г. государь предпринял поездку в Рубцово (по другим сведениям – в Покровское), а из него в Троице-Сергиев монастырь

на молитву. В Москве царь оставил бояр Федора Ивановича и Василия Петровича Шереметевых. А ясельничий Баим Болтин был включен в состав сопровождавших государя [13, стб. 671].

Второй приезд королевича Вальдемара состоялся 21 января 1644 г. Помимо королевича, также прибыли великие послы датского короля Кристиана IV. В числе встречающих за Тверскими воротами указан ясельничий Баим Болтин вместе с дьяком Григорием Пятовым. Причем они в списке числились отдельно от других – Болтин и Пятов встречали «с санми» [13, стб. 722]. В этот раз Вальдемар прибыл в Москву с целью заключения брака с дочерью Михаила Федоровича Ириной. Возможная свадьба вызвала волну дипломатических обсуждений и религиозных споров [35, с. 744–764]. Соглашения достигнуто не было. Королевич был отпущен из Москвы 13 августа 1645 г. после смерти царя Михаила [36, с. 19–96]. Баим Болтин в этом участии уже не принимал.

В качестве ясельничего Болтин был судьей Конюшенного приказа. Известен следующий эпизод из его службы в этом ведомстве. В феврале 1646 г. по «татарским вестям» князю Алексею Никитичу Трубецкому было велено готовиться к походу. Из Москвы к нему должны были отправиться служилые люди. Из Разрядного приказа в Конюшенный приказ был направлен список даточных людей, которые снаряжались за счет князей, бояр, дворян, окольных и прочих московских чинов и должны были явиться на службу. Этот список был запрошен самим Конюшенным приказом, чтобы выяснить, сколько даточных людей записалось в приказ, а сколько нет. За неявку их полагался штраф в 20 руб. за человека с того, кто обязан был их снарядить. Как ясельничий Баим Болтин занимался этим вопросом [37, с. 169–170].

Следующим ясельничим 9 ноября 1646 г. был назначен Ждан Васильевич Кондырев [38, стб. 49–50], который ранее вел местнический спор с Болтиным перед посольством в Варшаву. А Баим Болтин уже 21 января 1647 г. был назначен послом в Данию (в списке послов указан первым), откуда он вернется только спустя год в январе 1648 г. [31, с. 227]. Вероятно, его посольский опыт и опыт встреч датского королевича Вальдемара был важен для переговоров.

Ждан Кондырев в дальнейшем будет пожалован в думные дворяне [34, с. 178]. Болтин же таких высот при дворе не достигнет.

Последние сведения о Болтине как о придворном относятся к августу – сентябрю 1649 г. Так, 27 августа 1649 г. состоялся первый прием послов польского короля и великого князя литовского Яна Казимира в Грановитой палате. Послами были каштелян Чеховский Дебеслав Чеклинский, Петр Каземир Вяжевич, подкоморий Мстиславский и подвоевода Смоленский

и Жедровский, староста Петр Галинский. 30 августа состоялась вторая встреча уже в золотой палате, и в тот день у послов были пристава Баим Болтин и дьяк Василий Ушаков [38, стб. 129–130]. Приставами, сопровождавшими послов иностранного государства, назначались обычно московские чины или выборные дворяне из городов. Они передавали послам приглашения явиться к государю и сопровождали их от посольского двора прямо до государя. Их титулы должны были быть соотнесены с титулом прибывшего посла. Наиболее четкое соотнесение было как раз с титулами послов Речи Посполитой [14, с. 36]. Собственно, мы не видим знатных фамилий среди польских послов, однако можем отметить их обозначенные достаточно важные должности. Так, каштелян по значению шел за воеводой и мог замещать последнего в его отсутствие [39, с. 79]. Так же мы видим подвоеводу (второго воеводу) и старосту в списке послов. Все эти должности соотносились с прошлой службой Баима Болтина, который также был вторым воеводой и вторым человеком Конюшенного приказа.

Такой же прием послов в Грановитой палате состоялся и 6 сентября 1649 г. В качестве пристава у послов также был Баим Болтин [38, стб. 134]. На этом сведения о придворной службе Баима Болтина заканчиваются. Несколько позже, в 1652 г., он будет направлен вторым воеводой в Тобольск. Вместе с ним в другой сибирский город Томск вторым воеводой был назначен младший брат Баима Федоровича – Аверкий Болтин [40, с. 250]. Назначение на длительный срок воеводой в Тобольск удаляло пожилого Баима Болтина от царского двора. Возможно, молодому царю Алексею Михайловичу нужны были новые люди при дворе. Тому подтверждение и упомянутая отправка Болтина послом в Данию. На наш взгляд, такие назначения – это своего рода почетный уход с придворной службы. Последние сведения о нем относятся к Смоленскому походу Алексея Михайловича 1654 г.

Таким образом, нами был восстановлен практически весь служебный путь Баима Болтина как придворного. В начале службы он часто присутствовал на мероприятиях государственной важности и праздниках, сперва как дворянин, затем как дьяк. Его имя фигурировало в списках тех, кто остался в свите князей и бояр, замещавших в Москве государя. Важным событием в карьере Болтина является назначение его дьяком Новгородской чети. Этот период его службы и дальнейший рост демонстрируют трансформацию элиты русского общества после Смуты: превращение верхушки служилого сословия и придворной знати в политическую опору русской монархии. Бюрократизация знати стала необходимым адаптивным механизмом в условиях самодержавия [5, с. 366]. И Баим Болтин

в этом отношении служит ярким примером. После Смоленской войны он все чаще привлекался к участию в дипломатических мероприятиях, будь то встречи послов или в заграничное посольство. В местнических спорах государь вставал на сторону Болтина, что также подтверждает значимость его при дворе. Вершиной придворной службы Болтина непосредственно в Москве являлось назначение его ясельничим. Придворная служба составляла лишь часть всей деятельности Баима Болтина, но именно она обусловила его дальнейшую военную и посольскую карьеру. Ведь до 1632 г. ярких военных заслуг у него не было, а полученное им назначение вторым воеводой в Северском походе не соответствовало его военному опыту, из чего можно сделать вывод о том, что именно заслуги Баима Болтина как придворного и дьяка Новгородской чети и приобретенные связи позволили ему выделить в Смоленской войне.

Список литературы

1. Платонов С. Ф. Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. С. 18–28.
2. Ракитин А. С. Северский поход в период Смоленской войны 1632–1634 годов в документах Российского государственного архива древних актов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 83–89.
3. Зиборов В. К. Болтин Баим (Боим, Обоим, «молитвенное имя» – Сидор) Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 3 вып. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1 / под ред. Д. С. Лихачева. СПб. : Дмитрий Буланин, 1992. С. 147–148.
4. Зиборов В. К. Хронограф Столяровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 3 вып. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4 / под ред. Д. С. Лихачева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 219–220.
5. Правящая элита Русского государства IX – начало XVIII в. : очерки истории / отв. ред. А. П. Павлов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.
6. Арзамасские поместные акты (1578–1618) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М. : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. 738 с.
7. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 4 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. Т. 1 (1612–1628). [4], XXXVI, [2] с., 1184, XII стб.
8. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные 2-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. Т. 1 (1614–1627). XV, II с., 1380 стб.

9. Новый летописец // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению императорской археографической комиссии : в 43 т. Т. 14. СПб. : Тип М. А. Александра, 1910. 161 с.
10. Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31: Записные книги Московского стола // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 40 т. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1884. Т. 9. С. 385–524.
11. Дело по челобитью Никиты Оладына о пожаловании его за службы и промысл поместную и денежную придачу и в приказ. 1634 ноябрь // Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова: в 3 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. № 601. С. 558–562.
12. Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: в 2 т. (Третье издание с дополнениями). Т. 1 (Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.). М. : Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1895. 751 с.
13. Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2 (1628–1645). [4], IV с., 976 стб., II с.
14. Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется... М. : Международные отношения, 1988. 216 с.
15. Сторожев В. Н. К вопросу о четвертниках // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 80. С. 195–217.
16. Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII века // Исторические записки: в 138 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1937. Т. 1. 240 с.
17. Царская грамота Чердынскому воеводе князю Петру Клобкову Мосальскому, об устройении для церкви Николая Чудотворца, в Ныробском погосте, образов и написании пролога, пожаловании причету руги и обелении в пользу его деревни. 1627, ноября 17 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ): в 5 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1841. Т. 3 (1613–1645), № 149. С. 241–244.
18. Обельная грамота Исаку Герасимову на волостку в Обонежской пятине, в Челможском погосте, в награду за услуги, оказанные отцом его матери Государевой инокине Марии Иоановне. 1628, января 1 // АИ. Т. 3, № 151. С. 245–249.
19. Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеvu о сыске бежавших из городов Слободского и Шестакова посадских людей и уездных крестьян. 1629, декабрь // АИ. Т. 3, № 160. С. 288–289.
20. Царская грамота Сысольским старостам и целовальникам о доставлении в Москву таможенных, кабацких, неокладных и четвертных денежных доходов. 1630, июля 21, сентября 14 // РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 500–502.
21. Царская грамота в Пермь Великую о переписании в Чердыни каменщиков, кирпичников и гончаров для Вяземского и Можайского городского дела. 1630, января 20 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академией наук (далее – ААЭ): в 4 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. Т. 3 (1613–1645), № 188. С. 274–275.
22. Царская грамота Двинскому воеводе князю Василию Ахамашукову Черкасскому об утверждении за Черногорскою Пинежскую пустыню земли и угодьев. 1631, февраля 9 // АИ. Т. 3, № 160. С. 292–294.
23. Царская грамота в Кевролу и Мезень тамошнему воеводе о подтверждении, чтобы Самоеды Меньшичко Апицин с товарищами и Семейко Вотьев владеть реками Индегою и Волонгою попрежнему. 1631, сентября 7 // ААЭ. Т. 3, № 194. С. 280–281.
24. Царская грамота Псковским воеводам князю Мецецкому и Юшкову о посылке во Гдов дворянина с подьячим и подмастерьем для сделания сметы на исправление тамошнего города и огнестрельного снаряда. 1632, января 8 // ААЭ. Т. 3, № 196. С. 282–283.
25. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные 2-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии: в 2 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 2. IX с., [1], 1398 стб.
26. Из Хронографа, принадлежащего историографу Карамзину (Столяровский список) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции/собрал и издал Андрей Попов (приложение к Обзору хронографов русской редакции). М. : Тип. А. И. Мамонтова и К. Большая Дмитровка, д. № 7, 1869. С. 321–379.
27. Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного окладов за службу «на Севере» // АМГ. Т. 1, № 512. С. 484–487.
28. Записная книга Московского стола. 1633, сентябрь – 1634, август // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 525–576.
29. РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг. Оп. 1. Ед. хр. 49.
30. Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М. : Квадрига, 2009. 512 с.
31. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год): в 4 ч. Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания и Испания). Издание комиссии печатания государственных грамот и договоров при московском главном архиве Министерства иностранных дел. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. 304 с.
32. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). Издание комиссии печатания государственных грамот и договоров при московском главном архиве Министерства иностранных дел. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. 319 с.
33. Записная книга Московского стола 1640, сентябрь – 1641, август: в 39 т. // РИБ. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 201–300.
34. Миллер Ф. И. Известия о дворянах российских. СПб. : Тип Рахманинова, 1790. 494 с.
35. Филина Е. И. Влияние придворной политической борьбы на духовное состояние русского общества начала 40-х гг. XVII в. (прения о вере, возникшие по делу

королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны) // Герменевтика древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Менделеева. М. : Знак, 2005. № 12. С. 744–764.

36. Горбатов Е. Н. Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования Алексея Михайловича // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2018. Вып. 4. С. 19–96.

37. Память из Разряда в Конюшенный приказ о даточных людях, взятых с разных чинов людей на службу // АМГ: в 3 т. Т. 2: Разрядный приказ. Московский стол, 1635–1659, № 267. СПб., 1894. С. 169–170.

38. Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3 (1645–1676). [4], IV, [2] с., 1656 стб., [4] с.

39. Веревкин-Шелюта В. Каштелян // Великое Княжество Литовское. Энциклопедия: в 3 т. Т. 2: Кадетский корпус – Яцкевич / гл. ред. Т. У. Бялова. Минск : БелЭн, 2005. 788 с.

40. Рабинович Я. Н. Аверкий Федорович Болтин, воевода Саратова (1644–1646) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-244-255>

Поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 20.01.2023

The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 27.11.2022; accepted for publication 20.01.2023